

В глуши лесной

Переславский музей, обязанный своим появлением Великому Октябрю, — один из крупнейших культурных очагов в центре нашей страны. За свою деятельность и успехи он на Всероссийском смотре музеев в 1967 году был отмечен дипломом первой степени.

Интерес к музею у посетителей растёт с каждым годом. Только в минувшем году (музею тогда исполнилось 50 лет) его посетило больше 200 тысяч человек и четыре тысячи экскурсий.

Мне, старому краеведу, в музее знакомы многие экспонаты, и бывая здесь, я вливаюсь в общий поток и узнаю интересы посетителей. А им хочется услышать не только о музейных предметах, но и о тех людях и событиях, которые, возможно, связаны с ними. Хорошо зная многих первых энтузиастов-краеведов, закладывавших полвека назад фундамент музея, я невольно становлюсь «внештатным проводником» в прошлое и делюсь с посетителями своими воспоминаниями.

Помню, как несколько лет назад, находясь в одной из комнат «Отдела природы», я услышал неизвестно к кому обращённый вопрос:

— А что это такое?

Группа школьников и несколько взрослых стояли перед сложенными в пирамиду срезами сосны. Так как экскурсовода рядом не было, я ответил экскурсантам и рассказал историю, связанную с этими экспонатами.

В 1928 году Лесной отдел обратился в Научно-просветительное общество с просьбой, не могут ли краеведы помочь в изучении причин гибели сосны в Купанско-Плещеевском лесничестве. На это тотчас откликнулся краевед Владимир Алексеевич Варенцов (1886—1931). Всегда жизнерадостный, добродушный и открытый, страстно влюблённый в ботанику, он располагал к себе с первой встречи. В своё время Варенцов окончил сельскохозяйственную академию в Москве. Вернулся в родной Переславль и работал здесь лесничим. Исходил пешком весь Переславский край и, думается, не было такого уголка, ни одного болота, речки, леса, где бы он не побывал.

В краеведение Владимир Алексеевич включился сразу после открытия Научного Общества (1919 г.). Его доклады и печатные труды всегда были обстоятельны, интересны. Особенно высоко были оценены работы по изучению болот края, изменения растительности в некоторых из них в связи с торфоразработками и пригодности болот для осушки и окультуривания.

Такой же актуальной была и работа по изучению причин гибели сосны. Для этой цели Владимир Алексеевич вместе с переславским старожилом Константином Павловичем Никольским выбрали один из глухих уголков уезда — Жупеевское болото, где и обосновали свою стоянку. Невдалеке был чистый ручей и пролегала лесная тропинка, по которой жители окружающих селений ходили на болото собирать клюкву.

С собой Варенцов и Никольский взяли из города продуктов немного. Надеялись на то, что потом смогут кое-что покупать в деревнях, хотя они здесь были редки и расположены на порядочном расстоянии.

— Но из этих планов ничего не вышло, — рассказывал мне Владимир Алексеевич. — Дело было в сентябре. Погода портилась. Стали перепадать дожди. Люди на болоте не появлялись.

Продовольствие кончалось, а работы надо было продолжать. Решили перейти на положение робинзонов: у меня было ружьё, а Константин Павлович налавливал немного рыбы в ручье, из которого брали воду.

Словом, друзья не унывали, неудобств и недостатков старались не замечать. Торопились закончить работу. Так жили они около месяца. Обросли бородами, на плечах не то плащи, не то балахоны, часто мокрые от дождя, продымлённые и прокопчённые. Сами смеялись над собой, глядя друг на друга, но дело делали.

А кругом ни души. И только незадолго до ухода им повезло. Как-то утром заметили вдалеке небольшую группу людей.

— Вероятно, это были женщины, — вспоминал Владимир Алексеевич. — Мы только что успели съесть уху, и, обрадованные появлением людей, поспешили навстречу. Но сразу же опешили, нас увидали и с криком: чур! чур! все скрылись в лесу. После нам подтвердили, что нас приняли за леших. И пожалуй, мы были на них похожи!

Вот эту историю из жизни первых краеведов мне и пришлось рассказать экскурсантам, заинтересовавшимся срезам обычной сосны.